

Петр Гейбер

Путешествие оптимистки

Памяти Екатерины Николаевны Вильмонт

16 мая этого года ушла из жизни Екатерина Вильмонт, замечательный литературный переводчик с немецкого, автор 80 книг беллетристики, ясный теплый человек. В неизбежное осознание этого факта еще не верится. Не сесть уже за ее гостеприимный стол, на котором стоит старинный графинчик, запотевшие рюмочки и всякие разносольные лакомства, а в воздухе разлито ласковое поле ее добра. Сколько людей сквозь годы и континенты пропало по длинной мере жизни, а вот Катя Вильмонт все равно осталась и останется столько, сколько отмерено веком.

Сначала немного о ее семье. Мать Кати Наталия Семеновна Ман была классиком советского литературного перевода с трех языков – немецкого, французского и английского (Гете, Шиллер, Т. Манн, Г. Манн, Борхерт, Сомерсет Моэм, Джек Лондон, Мольер...). Ее совместный с С.К. Аптом перевод романа «Доктор Фаустус» Томаса Манна был назван выдающимся событием в литературе. Была она женщиной властной, острого ироничного ума и рапирного остроумия. Считала профессию переводчика лучшей на свете: в самые страшные кровавые сталинские поры переводила «Будденброков».

Отец Николай Николаевич Вильям-Вильмонт – ученый-германист, историк культуры, блестящий переводчик немецкой литературной классики, автор трудов о Гете, Шиллере, Гердере, Т. Манне, немецкой классической философии, академик ФРГ и ГДР. На полках моей домашней библиотеки стоят дорогие сердцу книги моего старшего друга – «Достоевский и Шиллер», «Гете», «О Борисе Пастернаке» с ласковой дарственной надписью

Николая Николаевича. Формально я никогда не учился у Вильям-Вильмонта, однако я *всегда* учился у этого энциклопедически образованного, блестяще остроумного, мягкого, очаровательного человека, истинного дворянина, и многие вещи в жизни поверял по нему. Мне повезло – он ко мне тепло относился и был щедр на беседы со мной. Это – на всю жизнь!

За столом у Вильмонтот в разное время собирался цвет русской, советской художественной интеллигенции – Борис Пастернак (Николай Николаевич был одним из его душеприказчиков), Генрих Нейгауз, Арсений Тарковский, Мария Вениаминовна Юдина, Александр Твардовский, Станислав Нейгауз, Вильгельм Левик, Николай Любимов, Лев Гинзбург, Олег Чухонцев. В него была безответно влюблена Марина Цветаева. В домашнем кабинете Николая Николаевича была написана Солженицыным его нобелевская речь (мне посчастливилось быть тому свидетелем).

Воспитание в такой атмосфере родительского дома с младых ногтей вошло в Катю Вильмонт, в состав ее крови. Собственно, иначе случиться и не могло. Выросшая в кругу московской интеллектуальной элиты, Катя никогда не витала в эмпиреях, была нормальным, вполне земным человеком. У нас с ней была абсолютная душевная совместимость. Трудно охватить в этом кратком воспоминательном эссе нашу с Катей полувековую близкую преданную нежную дружбу. На помощь приходит Ахматова: «Есть три эпохи у воспоминаний. И первая – как бы вчерашний день». Четко помню, как Катя Вильмонт вошла в мою жизнь – просто и свободно, точно место для нее было уготовлено давно.

Когда смотришь в далекое невозвратное, все оживает; я пишу эти строки и памятью прохожу десятки наших встреч и вечеров.

Однажды, кажется, на улице, Катя подобрала собаку. Для поднятия самооценки этой большой добрейшей бездомной дворняги Вильмонты произвели его в пэры и нарекли Лордом. Собака с возрастом стала болеть, а к старости с ней случился паралич мочевого пузыря. Несмотря на то, что постоянно подпирали редакционные сроки – в те поры Катя активно переводила, – она ежедневно занималась несчастным животным, лечила его, выгуливала. В каком-то смысле это был маленький подвиг, продиктованный свойственным ей добротворством, происходящим

из врожденного благородства. Катя была поздним ребенком – родители были немолоды, и часть домашней работы неизбежно лежала на ней. Иногда ей нездоровилось, а на горизонте была уже новая работа, и необходимо было торопиться... Свободного времени оставалось мало. Впрочем, как у каждой молодой женщины, бывали у нее увлечения, которые подчас переходили в романы, однако личную жизнь она так и не устроила и с уходом родителей осталась одна. Нужно сказать, что к нереализованным возможностям Катя относилась философски и всегда повторяла библейскую фразу: чего нет, того не счесть.

У Кати Вильмонт была феноменальная память. Однажды под мою диктовку она набрала по своему домашнему телефону номер в Лейпциге, которого она до этого не знала. Через год, снова в доме у Кати, стал я искать в своей записной книжке тот же лейпцигский номер. Как же было велико мое удивление, когда Катя сказала мне: «Не трудись!» – и продиктовала его по памяти. Она всегда говорила, что голова у нее – «огромный мусорный ящик, который я не могу почистить».

Переводчиком Катя была милостью божьей. Международно признанный мастер художественного перевода, беспощадно – невзирая на лица – строгая в оценках Наталья Семеновна Ман мне как-то сказала: «Одному Богу известно, как Катька умудряется переводить эту модернягу». В ее русском словарном рационе не было никаких изысков, лишь самое ясное, яркое, точное и необходимое.

Никогда не забуду, как в мой очередной приезд в Москву мы с Катей отправились в Центральный дом литератора, где в клубной программе была назначена читка отрывка из ее последнего перевода. Время было послеобеденное, когда писатели, отяжелевшие от обильной вкусной еды и выпивки знаменитого в ту пору ресторана ЦДЛ, без особого энтузиазма побрели в зал. Первым вышел на подиум Булат Шалвович Окуджава с гитарой, он поблагодарил дирекцию клуба за то, что «между пельменным днем и шахматно-шашечным турниром» им все же удалось найти местечко в программе и для него. Тут мы стали орать «ура!» и хлопать – Окуджава был соседом Вильмонтов по дому и однажды даже позвал нас на чай. Вслед за ним поднялась Екатерина (не

помню точно, что она читала тогда). Совписы поначалу тихонько болтали, и под их тучными телами поскрипывали кресла. Катя, не обращая на них никакого внимания, начала читать свой изумительный перевод, голос ее иногда чуть от волнения прерывался, обретая почти драматическую выразительность. Перед нами был искусный чтец, наслаждающийся музыкой прекрасного текста. Через несколько минут в зале сделалась мертвая тишина, нарушенная аплодисментами, лишь когда было прочтено последнее предложение. Хлопали ей искренне!

У Кати был особый талант общения с людьми. У нее в юности было много друзей, одним из них был ученый-геолог, боксер, гуляка Саша Живкович. Вильмонты его любили и иногда прощали ему faux pas, которые не простили бы другому. Как-то в молодости Саша предложил Кате поехать в экспедицию. В геологической партии ей была определена должность поварахи. (Надо сказать здесь, что она прекрасно готовила.) Катя, не раздумывая, согласилась, оговорив в качестве условия участие в экспедиции личной службы безопасности – любимой собаки Лорда. С собой она прихватила пишущую машинку и книгу, которую тогда переводила. Позже она вспоминала об этом времени как об одном из лучших в жизни.

Мы, поскольку нам позволяло время, гостили у друг друга. Катя очень любила Одессу, где мы тогда жили, и с радостью приезжала к нам «на море». Она говорила, что запахи Черного моря ранним утром рождали в ее душе какую-то тихую умиротворенную радость. Моего отца, коренного одессита, она считала «одним из самых очаровательных людей, которых знала». «Кроме массы прочих достоинств, – писала она, – Игорь Петрович еще и великолепно готовил! В его облике и в манере было что-то раблезианское». Мои родители обожали Катю. К завтраку, как и было принято в нашем городе, на столе среди прочей снеди царили дары моря. Она вспоминает:

«Как-то я гостила у Гейберов в Одессе, и по утрам Игорь Петрович будил меня так:

– Солнце, вставай! Я уже сходил на Привоз и нажарил тебе бычков! Ты любишь бычки?

Из его рук я была готова есть даже то, чего никогда не ела».

У мамы же моей, которая была великолепным кулинаром и кондитером, Катя брала рецепты южных блюд.

Наши отцы были фронтовыми друзьями и очень друг друга любили. «Однажды, – пишет Катя, – когда отцу в очередной раз отказали в заграничной турпоездке, я поняла, что сейчас он неизбежно впадет в депрессию, и сказала маме: «Увези его куда-нибудь!» – «Куда?» – откровенно растерялась мама. – «В Одессу!» – сообразила я». Так и сделали. В нашем замечательном городе в беседах с близким другом Николай Николаевич совершенно отошел. «Жить надо у Черного моря, – говорил он».

Об этом и о многом другом из нашей с ней жизни Катя рассказала в вышедшей в 2006 году книге «Дети Галактики, или Чепуха на постном масле», которую я выше цитировал. Определяя жанр этой книги, Вильмонт писала, что это «взгляд и нечто с гастрономическим уклоном». На самом деле – это, прежде всего, текст о жизни, людях, дружбе.

В 1984 году Катя позвонила мне в Вильнюс и сказала, что закончила очередной перевод книги (если мне не изменяет память, это были «Проделки близнецов» Эриха Кестнера). Она говорила, что грустит, что пришлось расстаться с этой чудной историей замечательного писателя, что скучает и хочет приехать к нам в Вильнюс, где мы тогда жили в затыжном «отказе». Мы с женой обрадовались, тотчас проверили программу джазового кафе «Неринга», где часто устраивал джем-сейшен со своими консерваторскими студентами гениальный трубач и саксофонист Володя Чекасин из легендарного джазового трио Ганелин – Тарасов – Чекасин. Был он известен еще и тем, что один из немногих музыкантов играл на бассетгорне. Однако радоваться было рано.

Вместо того чтобы встречать Катю на вокзале, я утром того же дня срочно вылетел в Москву. Случилось несчастье: Наталия Семеновна, которая к тому времени уже не ходила, заснула в постели с зажженной сигаретой. Результат – страшный: Наталья Ман трагически погибла, а квартира в знаменитом писательском доме со старинной антикварной мебелью, уникальным книжным собранием и бесценным архивом сгорела дотла. К счастью, Николай Николаевич, получив лишь небольшие ожоги, был спасен. Катю с отцом забрали к себе друзья.

В сгоревшую квартиру идти было страшно, но кто-то это должен был сделать, и я, наивно спросив ключи, пошел. Картина была жуткая: перед моими глазами предстало выжженное дупло. Не стану рассказывать, каково было разбирать пепелище этого Дома. Единственное, что сохранилось, – кое-какие книги и (ирония судьбы) шкатулка, в которой лежало 100 рублей. Главное испытание было, однако, впереди. Стараясь отыскать в головешках следы архива, я наткнулся на уцелевшие обрывки писем, подписанные поэтами и писателями, составившими славу Серебряного века. Это были бесценные материалы национального литературного наследия. В моей жизни случались испытания, я никогда не считал себя слабым человеком, однако здесь лицо мое было совершенно мокрым от слез.

Голова у Николая Николаевича была перебинтована, но он не жаловался, мужественно переносил обрушившееся на семью несчастье. Помню, утром следующего дня он позволил мне побрить себя. Долго молчал, потом сказал: «Таты уже нет, но я обязан продолжать писать». Катю тогда спас оптимизм и жизнестойкость. Сейчас ей нужно было позаботиться об отце. Она всегда была хронической оптимисткой, умела в самые тяжелые дни своей жизни оставаться верящей в лучшее и не роптать на Бога: «Схожу-ка я на рынок, – бывало, говорила она, – куплю цветочков – и настроение у меня хорошее на целый день». Не напрасно ее первый дебютный «любовный роман» назывался «Путешествие оптимистки, или Все бабы дуры». Позже даже появился термин «вильмонтотерапия».

В 2004 году Катя гостила у нас в Лос-Анджелесе. Все началось с казуса: из самолета вышли уже все пассажиры, затем бортпроводницы, наконец – пилоты и бортмеханики, а Кати все не было. Мы с женой и еще одна пара общих друзей стали звонить ей в Москву, но телефон молчал. Не зная что и думать, я пошел к пограничникам, но они настоятельно порекомендовали мне исчезнуть и не искать приключений... Наконец спустя полтора часа появилась Вильмонт Е.Н., оглашавшая международный аэропорт изысканными образцами русского языка из сокровищницы русской национальной лексики. В тот памятный день Катей мог бы гордиться даже Владимир Иванович Даль. Оказалось, что

в американском посольстве в Москве были взяты недостаточно четкие «пальчики», и нашу гостью проверяли на предмет запланированной инфильтрации в сердце американского Запада. Никакие увещания не помогли, даже удостоверение члена ПЕН-клуба. Что примечательно, к Катиному приезду мы подготовили целый план путешествий: Монтерей, Сан-Франциско, Кармел, Лас-Вегас, Напа, плотина Гувера... Однако Катя неожиданно сказала, что никуда ехать не хочет, а хочется ей «просто-напросто быть с вами, проехаться по Лос-Анджелесу, посидеть на берегу Тихого океана и попробовать лобстер». Мы удивились, но тут наша Катерина утомленно прикрыла глаза и положила, как в старые времена, голову на мое товарищеское плечо. Больше мы к вопросу путешествий не возвращались. Моя жена, врач по профессии, понимала, что у Катюши было достаточно много проблем со здоровьем, включая серьезный диабет.

Катя была щедро наделена богатым воображением, она вообще была фантазерка. Мы сидели с ней в прибрежном ресторане в Малибу, и я поражался неистощимости ее писательской фантазии (за свою творческую жизнь она написала 80 книг!). «На самом деле все просто, – говорила она. – Вот мы сидим тут с тобой, разговариваем, пьем вино, смотрим на океан – все это, считай, уже пошло в еще не придуманную книгу». В этом я убедился, когда спустя полгода мы нашли в почте ее новую книгу «Зеленые холмы Калифорнии».

Человеком Катя была теплым, охочим до добрых, хороших людей, с иронией тонкой и незлой, а в трудные моменты жизненных испытаний умела собраться и держать удар. В лихие 90-е, когда народу было не до художественной литературы, за переводы платили копейки, а сбережения были обесценены, Катя оказалась едва ли не без средств к существованию. Это ударило по ней достаточно сильно: дело в том, что в советские времена художественные переводы всегда оплачивались очень хорошо. Все три Вильмонта были членами Союза писателей, и работа у них не переводилась. Кроме того, им по статусу были положены писательские продуктовые заказы, в которых было все чего душа пожелает. То есть по совковым масштабам это был вполне обеспеченный дом, который всегда велся широко. Однако

к тому времени родителей уже не было в живых, и Катя медленно, но верно оказалась на мели. Мы об этом узнали только тогда, когда приехавшие к нам в гости родственники рассказали, что у Кати начались серьезные финансовые трудности, и она была «готова идти работать в киоск».

Однажды утром в поисках выхода она села за стол, взяла лист бумаги и попыталась сочинить историю о «любви сквозь смех и слезы». Так появилась первая книга «молодой» писательницы Екатерины Вильмонт – ранее помянутый здесь роман «Путешествие оптимистки, или Все бабы дуры», разошедшийся по стране небывалым тиражом. Следующим этапом творческой биографии стали получившие широкое признание детские детективы, после чего Екатерина Вильмонт все-таки вернулась к жанру любовных романов, центральной темой которых был, по ее определению, «роман как любовная связь».

На боковых путях уже не слишком обширной памяти осталось наше с Катей приключение с солженицынским «Архипелагом ГУЛАГ». Один из доброхотов настоял на том, чтобы Вильмонты вынесли из дома весь сам- и тамиздат, предупредив их, что в тот день следовало ожидать «гостей дорогих». К нему якобы эта информация просочилась от какого-то сотрудника тогдашнего секретаря по оргвопросам Московского отделения Союза писателей, бывшего генерала НКВД Ильина. Так случилось, что я накануне прилетел в Москву. Стоял очень холодный, промозглый зимний день. Я спрятал книгу под свитер, мы с Катей напялили пальто и спешно покинули дом. На улице в тот день находиться было невозможно – был жуткий мороз; мы приняли стратегическое решение: взяли такси и поехали в ГУМ. Там было тепло и можно было раствориться в толпах приезжих из провинции. В универмаге мы провели четыре с половиной часа, до самого закрытия. К счастью, информация оказалась ложной – Бог миловал: к Вильмонтам не пришли.

23 апреля 1987 года Катя приехала в Шереметьево, чтобы проводить нас в Америку. Мы обнялись, и она сказала: «Мы, Петька, еще увидимся, но уже никогда – молодыми». Нам тогда было по сорок лет... Спустя семнадцать лет, в 2004 году, Катя приехала к нам в Лос-Анджелес. Она привезла нам в дар одну

из сохранившихся в пожаре книг – авторский экземпляр «Воздушных путей» Бориса Пастернака. На титульном листе – дарственная надпись автора близким друзьям – чете Вильмонтов: «Дорогому Коле и Наталье Семеновне с большой любовью – Б. П.».

Дружба с Екатериной Николаевной Вильмонт, «нашей Катей», – счастливый факт нашей с женой душевной и человеческой биографии. Отсвет ее преданности дружбе лежал и будет лежать на всех нас, по-разному окрашенный, по-разному воспринимаемый, но неизменно драгоценный для сердца и памяти. А большего и не попросишь.

Наступило сегодня, придут и новые дни. В них навсегда останутся дорогие сердцу воспоминания, любовь и память сердца. Спасибо тебе, Катюша!

Лос-Анджелес

